

УДК 903.27

Ю.Н. Есин

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия
E-mail: esin2006@yandex.ru

МАЛОАРБАТСКАЯ ПИСАНИЦА: ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ*

Статья вводит в научный оборот материалы нового изучения раннего пласта наскальных изображений Малоарбатской писаницы, расположенной в горах Западного Саяна на юго-западной периферии Минусинской котловины. Рисунки выполнены красной краской и датируются концом III – началом II тыс. до н.э. Выделены две стилистические группы, одна из которых сопоставима с ранними изображениями окуневской культуры степной части котловины, а вторая – с джойским стилем горно-таежных районов. Сделан вывод о генезисе этого стиля на основе раннеокуневского искусства, но под влиянием собственных традиций неокуневского населения южной периферии Минусинской котловины.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южная Сибирь, Минусинская котловина, эпоха бронзы, наскальное искусство, окуневская культура, джойский стиль.

История изучения

Наскальные изображения на р. Малые Арбаты в горах Западного Саяна, у начала древней конной тропы, ведущей из Минусинской котловины в северо-западные районы Тувы, известны с середины XIX в. Все они выполнены минеральной краской различных оттенков красного цвета и выделяются несомненным своеобразием на общем фоне наскального искусства степной части Минусинской котловины. Эти изображения были открыты для научного изучения географом И.П. Корниловым, зарисовавшим и опубликовавшим некоторые из них [1854, с. 635]. Отдельные сведения о памятнике содержатся в работах и других авторов того времени. Позднее он обследовался археологами А.В. Адриановым [1888, с. 141–142], Н.В. Леонтьевым [1970, 1978, с. 97, рис. 8], Л.Р. Кызласовым [1972, с. 296], абаканским художником В.Ф. Капель-

ко (см. рисунки на форзацах альбома [Петроглифы..., 2010]). Писаница вошла в сводку памятников наскального искусства Минусинской котловины, опубликованную Э.Б. Вадецкой [1986, с. 165].

Наиболее обстоятельно Малоарбатская писаница была изучена в 1969 г. Н.В. Леонтьевым [1970]. Он разделил все рисунки на два хронологических пласта: эпохи ранней бронзы и этнографического времени. Первый представлен 15 антропоморфными ликами, второй – серией тамговидных и зооморфных изображений. Пласт раннего бронзового века на основании сравнения с рисунками на стелах из степной части Минусинской котловины Н.В. Леонтьев отнес к окуневскому искусству и выделил в особый джойский стиль [1976, с. 136]. Малоарбатская писаница была признана наиболее ранней среди других писаниц джойского стиля [Леонтьев, 1978, с. 97]. После публикаций Н.В. Леонтьева она стала одним из опорных памятников в изучении искусства региона эпохи ранней бронзы.

В 2009 г. мной было проведено новое исследование Малоарбатской писаницы. Оно позволило расширить и уточнить имеющуюся источниковую базу.

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Настоящая публикация, подготовленная на основе результатов этого исследования, имеет две основные цели: 1) введение в научный оборот полученных материалов по раннему пласту изображений; 2) анализ проблем хронологии и культурно-исторического содержания данного пласта с использованием обновленной источниковой базы.

Рис. 1. Общий вид Малоарбатской писаницы с востока.

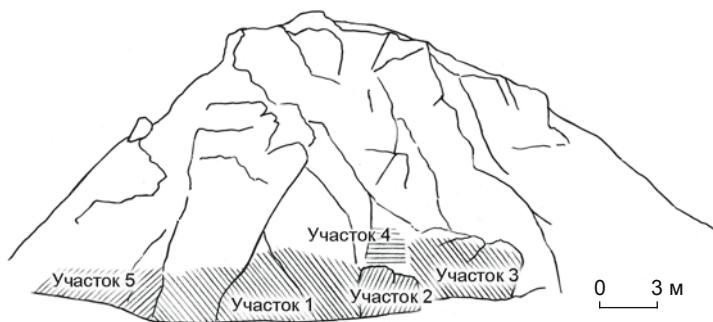

Рис. 2. Схема расположения условно выделенных участков с изображениями.

Рис. 3. Фрагмент центрального участка с разновременными изображениями.

Краткое описание памятника и методика исследований

Малоарбатская писаница расположена в Таштыпском р-не Республики Хакасия в 6,4 км от с. Малые Арбаты вверх по течению одноименной реки (хак. Кичиг Арбыйт), на ее правом берегу, на скальных обнажениях юго-восточной оконечности горы Арбыйт (рис. 1). Эта скала сегодня имеет русское название Писанец. Для нее зафиксировано несколько хакасских наименований: Пизелиг хайа (Скала с рисунками), Печиг хайа (Скала с письменами), Чигират хайа (Игреневая лошадь-скала).

Река Малые Арбаты, правый приток Абакана, берет начало на Джойском хребте Западного Саяна. Ландшафт в ее долине горнотаежный. Однако в нижнем течении имеются оステпненные участки, возникшие, вероятно, в результате деятельности человека. Они в достаточной мере увлажнены и отличаются высоким травостоем, используются местными жителями для летнего выпаса скота и заготовки сена. В окрестных горах представлена вся флора и фауна Западного Саяна. Река Абакан и ее притоки богаты рыбой.

В последние годы в окрестностях писаницы открыт ряд разновременных археологических памятников. Среди них стоянки каменного века и эпохи ранней бронзы на Семеновом ручье и в районе бывшего с. Куйбышева (исследования В.С. Зубкова), курганы тагарской культуры в нескольких километрах от писаницы ниже по течению р. Малые Арбаты, что свидетельствует о привлекательности этих мест для человека с глубокой древности.

Скала, на которой нанесены изображения, сложена из глауконитовых песчаников серо-зеленого цвета. С восточной стороны от нее по логу, вытянутому по линии СВ – ЮЗ, течет Писанский ключ. Он огибает скалу с юга и через 100 м впадает в р. Малые Арбаты. Скальные обнажения с изображениями обращены на юг и вытянуты по линии З – В. Их протяженность ок. 25 м, высота до 16 м. Скала имеет небольшой отрицательный наклон. Изображения нанесены минеральной краской красного, темно-малинового, рыжеватого и бурого оттенков. Сырье, которое использовалось в древности для ее изготовления, вероятно, местного происхождения. Во всяком случае, прослойка отложений с близким к темно-малиновому оттенком обнаружена при осмотре современного карьера

возле юго-юго-восточной окраины с. Малые Арбаты. Поверхность скалы очень неровная, дробится на множество отдельных блоков и плоскостей небольшого размера. Особенности рельефа позволяют разделить ее на пять условных участков (рис. 2):

1. Центральный. Протяженность 10,5 м. Перед скалой большая площадка шириной ок. 3 м. В середине участка у основания скалы имеется приступок. На высоте от 0,45 до 3,2 м зафиксированы 16 изображений эпохи бронзы (рис. 3).

2. Справа от первого. Относительно участка 1 выступает к югу на 0,7 м, а относительно расположенного еще правее участка 3 – на 2,5 м. Длина 3,2 м, высота 2,6 м. Зафиксированы два изображения на высоте 0,8–1,26 м от земли.

3. Справа от участка 2. Длина 4,7 м, высота ок. 3 м. Зафиксированы пять изображений на высоте 1,1–1,7 м от земли.

4. Над участком 2. Удобный подъем со стороны участка 3. Длина имеющейся здесь площадки 2,7 м, ширина 1,7, высота над землей 2,8 м. Сохранилось одно изображение на высоте 1 м над площадкой.

5. Слева от участка 1 и под небольшим углом к нему. Скальные обнажения вытянуты по линии С33 – ЮВВ. Длина участка с рисунками ок. 6 м. Зафиксировано одно изображение на высоте 0,34 м от земли.

Сохранность рисунков плохая. Во многих местах из-за естественного увлажнения краска растеклась или была смыта, изображения превратились в аморфные пятна, частично или полностью исчезли. Еще большую опасность представляет отслаивание поверхности корки камня, вызванное неоднократным замерзанием и оттаиванием влаги в трещинах в сезоны резких перепадов температуры. Этот процесс будет продолжаться и дальше. Кроме того, современные надписи и рисунки краской повредили некоторые изображения и нарушили общий вид памятника.

При копировании использовалось естественное или искусственное увлажнение поверхности скалы, делающее цвет краски более насыщенным и позволяющее выявлять незаметные или слабозаметные в иных условиях рисунки. Наилучшие результаты давало изучение писаницы в утренние часы при рассеянном свете после сильного и продолжительного ночных дождя и тумана, долго и равномерно увлажнявшего камень. При копировании фиксировались наиболее полно сохранившиеся и распознаваемые изображения. Кроме них, на скале множество остатков утраченных рисунков, представленных сегодня фрагментами линий, пятнами и потеками краски. При увлажнении их можно обнаружить почти на всех удобных плоскостях центрального участка. Копирование изображений производилось водостойкими маркерами на прозрачную пленку, которая крепилась к скале малярной лентой или нежирным пластилином в двух-трех точках,

чтобы один ее край можно было приподнимать. Это необходимо для периодического увлажнения поверхности камня и детального изучения и уточнения часто едва заметных линий рисунка, поскольку даже самая прозрачная пленка немного преломляет и рассеивает свет, мешая точному отслеживанию едва заметной темной краски на темном фоне камня.

Описание и анализ изображений

Изображения Малоарбатской писаницы по тематике, стилю, цвету краски, сохранности, как уже отмечал Н.В. Леонтьев, четко разделяются на две группы. Первая представлена антропоморфными ликами, нарисованными преимущественно малиновой краской, которая побледнела, видна плохо, часто покрыта кальцитовыми отложениями. Вторая группа – изображения животных и различные знаки, как правило выполненные темно-красной, коричневатой, оранжевой и розоватой краской разных оттенков, ее цвет ярче. Сохранность краски указывает на более ранний возраст рисунков первой группы. Этот вывод подтверждают факты нанесения поверх них изображений второй группы (рис. 4), а также подкрашивания (подновления) деталей большинства антропоморфных ликов краской, использовавшейся для создания рисунков второй группы. О более позднем возрасте последних свидетельствует и наличие только таких изображений на относительно свежих участках поверхности, появившихся после отслоения древней скальной корки или осыпания целых фрагментов скалы (например, в центре участка 1 над приступ-

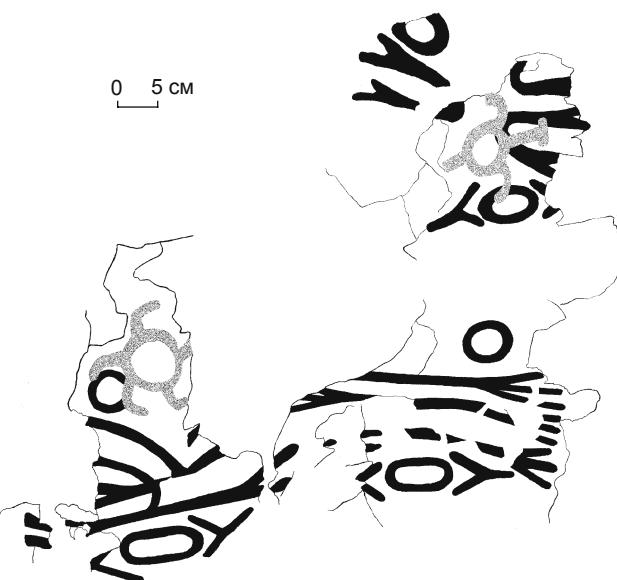

Рис. 4. Пример перекрывания рисунков эпохи ранней бронзы тамговидными изображениями этнографического времени на центральном участке.

ком). В отличие от них, рисунки первой группы встречаются только на древних поверхностях.

По стилю лица можно разделить на две основные подгруппы. Первая включает наиболее простые лица (рис. 5). Их важнейший отличительный признак – одна горизонтальная линия либо косой крест между глазами и ртом, причем все линии без каких-либо развилик на концах или дополнительных элементов. Все лица изображены без контура, лишь у одного над верхней половиной нарисована выпнутая вверх дуга. Глаза обычно только два, они переданы силуэтными кружками либо силуэтными или контурными овалами (в двух случаях горизонтальными, в одном – наклонными). Очень важной стилистической особенностью одного изображения являются симметричные наклонные черточки над глазами. На другом рисунке в верхней части имеется кружок, который, вероятно, изображает третий глаз, либо это нижняя часть плохо сохранившегося элемента в виде вертикальной змеевидной линии над лицом. Рот на всех изображениях показан силуэтным или контурным овалом. В одном случае по бокам симметрично расположены две вертикальные дуги, выпнутые в сторону рта, в другом – уголки.

Небольшое количество изображений первой подгруппы затрудняет их классификацию, тем не менее по основным принципам организации внутренней структуры лицов можно выделить не менее трех типов: 1) с делением внутреннего пространства на два яруса горизонтальной линией (рис. 5, 1–3); 2) с разделением на зоны или сектора при помощи косого креста (рис. 5, 5); 3) с делением на два яруса и верхнего яруса на зоны по горизонтали (рис. 5, 4).

Все лица первой подгруппы обнаружены только в центральной части писаницы и, очевидно, являются наиболее ранними на этом памятнике. Кроме того, один из них (рис. 5, 1) нарисован на единственном на скале выступе, напоминающем по форме голову чело-

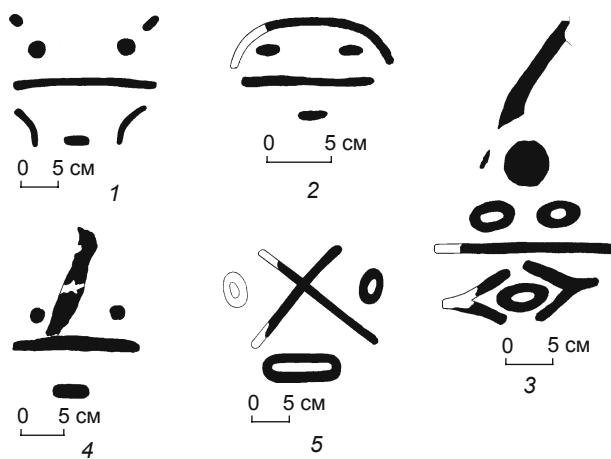

Рис. 5. Антропоморфные лица первой подгруппы Малоарбатской писаницы.

века. Ближайшие аналоги этих изображений – двуглавые лики без контура с одной горизонтальной линией в середине – известны на стелах раннеокуневского времени с могильников Уйбат III и V [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 232–235], Уйбат-Чарков, Итколь II. Для них тоже характерны симметричные наклонные черточки над глазами. У одного лица подобного типа изображены и дуги по бокам рта [Там же, № 162]. Дуга, очерчивающая только верхний контур головы, тоже имеется на одном рисунке раннеокуневского стиля [Есин, 2000, рис. 4]. Она встречена и у двух трехглазых изображений на стелах [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 56, 29].

Третий глаз и фрагмент вертикальной змеевидной линии сопоставимы с традиционными элементами окуневских лицов на стелах в степной части Минусинской котловины. Правда, такие изображения не являются самыми ранними. Среди ранних окуневских рисунков в степной части Минусинской котловины представлены и лица с косым крестом между глазами и ртом. Однако для них не типичны глаза, показанные контурными овалами, к тому же расположеннымными наклонно, как у такого лица Малоарбатской писаницы. Близкое к нему изображение, но с силуэтными глазами, тоже нарисованное краской, имеется на Шалаболинской писанице.

Вторая, более многочисленная подгруппа лицов (рис. 6) тоже характеризуется отсутствием контура, изображением только двух глаз. На фоне первой она выделяется развиликами в виде змеиного языка на концах линий, расположенных между глазами и ртом, а также более сложной структурой образа (наличием большего числа линий между глазами и ртом, дополнительных элементов). Глаза и рот обычно показаны по контуру. Характерны не только круглые глаза, но и в виде наклонных овалов, внутри которых порой имеется маленький силуэтный овал. У большинства изображений по бокам рта нарисованы уголки.

Антропоморфные лица второй подгруппы по различиям внутренней структуры предварительно можно разделить на несколько типов. Отличительная особенность первого – наличие только горизонтальных линий между глазами и ртом. Все они имеют развилики на концах (рис. 6, 1–4).

Ко второму типу можно отнести изображение с тремя горизонтальными линиями между глазами и ртом. В отличие от лицов первого типа, только средняя из них прямая, с развиликами, а две другие дугообразные и имеют на концах наклонные черточки. В целом эти три линии изображают соединенные в одно целое две раскрытые пасти хищника, направленные в противоположные стороны. Средняя линия является изображением змеиного языка, а верхняя и нижняя – это контуры пасти с клыками (рис. 6, 5). Несколько иначе те же две пасти представлены еще на одном рисунке (рис. 6, 6). При этом в середине лица изображены два концентри-

Типы	Варианты			
1		0 5 см	0 5 см	0 5 см
2		0 5 см	0 5 см	
3		0 5 см		
4		0 5 см	0 5 см	0 5 см
5		0 5 см	0 5 см	0 5 см

Рис. 6. Классификация антропоморфных ликов второй подгруппы Малоарбатской писаницы.

1, 3, 4, 6–8, 10 – участок 1; 2, 5, 9, 11 – участок 3; 12 – участок 4; 13 – участок 2.

ческих овала. Они могут восприниматься либо в качестве дополнительных ртов, либо как голова и глаза зверя, которому принадлежат пасти.

К третьему типу может быть отнесен один антропоморфный лик с четырьмя дугообразно изогнутыми линиями между глазами и ртом. Они расположены симметрично парами в два яруса, концами с раздвоенными направлениями в стороны (рис. 6, 7).

У лиц четвертого типа пространство между глазами и ртом делится не на ярусы, а на зоны по горизонтали (рис. 6, 8–10). На одном рисунке это достигается двумя вертикальными дугами, отделяющими кружки глаз друг от друга и от линии рта. У другого изображения верхние части таких дуг редуцированы,

а по бокам имеются «отростки» в виде змеиных языков. У третьего лица между глазами находится уголок вершиной вверх. Это схематичное изображение пасти змеи, т.к. внутри сохранились остатки линии языка, а сверху уголка расположена извилистая линия змеиного тела. От ее изгибов в стороны отходят «отростки» с раздвоенными концами, аналогичные особенностям изображений змей на некоторых стелах окуневской культуры [Там же, № 198, 252]. По бокам лица расположены вертикальные дуги.

В пятый тип выделены изображения, структура которых сочетает деление на ярусы горизонтальными линиями и верхнего яруса на зоны вертикальными или наклонными (рис. 6, 11–13). У одного лица между

глазами и ртом имеется одна горизонтальная линия с развиликами на концах, у двух других – две. В первом случае между глазами, скорее всего, изображен косой крест, во втором – две вертикальные дугообразные линии с развиликами или тремя черточками на верхних концах.

По совокупности признаков изображения второй подгруппы принадлежат к т.н. джойскому стилю. Он был выделен Н.В. Леонтьевым и назван по крупному памятнику наскального искусства в устье р. Джой [1976, с. 136]. Эта река берет начало на том же хребте, что и р. Малые Арбаты, но является притоком Енисея. По делению на ярусы двумя горизонтальными линиями, сочетанию горизонтальных линий с двумя вертикальными дугами в верхнем ярусе такие изображения сопоставимы с классическими окуневскими ликами на стелах из степной части Минусинской котловины. Некоторые из этих ликов тоже имеют развилики на концах линий, задающих их внутреннюю структуру.

Несмотря на различия между подгруппами, не вызывает сомнений преемственность второй по основным техническим и стилистическим особенностям. Она проявляется в способе нанесения рисунков, цвете краски, отсутствии у ликов контура, наличии только двух глаз, принципах организации внутренней структуры. Существование нескольких типов ликов в рамках каждой подгруппы, вероятно, обусловлено наличием нескольких изображаемых персонажей. В целом выделенные подгруппы можно рассматривать как отражение этапов эволюции наскального искусства в верховьях р. Абакана в эпоху бронзы. Она, безусловно, была тесно связана с развитием изобразительной традиции в степной части Минусинской котловины.

Джойский стиль и искусство окуневской культуры

Ранее считалось, что появление джойского стиля – результат развития изобразительных стандартов классической группы памятников окуневского искусства, а рисунки в джойском стиле самые поздние среди окуневских [Леонтьев, 1976, с. 136; 1978, с. 97; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 21; и др.]. Однако изображения Малоарбатской писаницы свидетельствуют о ритуальном использовании скалы начиная с раннеокуневского времени. Это позволяет выдвинуть гипотезу о возникновении джойского стиля на базе изобразительных стандартов раннего окуневского искусства, к которым он наиболее близок. В таком случае джойский стиль существовал с классическим окуневским.

Изложенную выше гипотезу о времени появления джойского стиля подтверждает плита из кург. 1 окуневского могильника Уйбат-Чарков (рис. 7) на правом берегу р. Уйбат возле пос. Чарков (раскопки И.П. Лар-

заретова 2009 г.). Она была установлена вертикально в закладе входа в катакомбу мог. 6, расположенного под западной стенкой ограды кургана. На плите из светло-серого песчаника ($84 \times 52 \times 18$ см) имеются два изображения: выбитое и нанесенное краской. Первое находится на ее широкой плоскости и было обращено в сторону погребальной камеры. Оно напоминает отпечаток стопы (21×15 см, глубиной ок. 2 см) с тремя или четырьмя пальцами и, вероятно, создано путем подработки выбивкой естественного углубления в камне. Изображение, нанесенное краской, расположено на узкой грани плиты. При закладывании входа в катакомбу оно было обращено вниз, к земле. Выполненный краской рисунок представляет собой антропоморфный лик без контура (25×16 см). Горизонтальная линия с развиликами в виде змейного языка на концах делит его на два яруса. В нижнем показан рот, переданный симметричными уголками, которые являются верхней частью двух наклонных линий. В верхнем ярусе тремя кружками изображены глаза. Между ними расположены две симметричные дуги, выгнутые друг к другу. Возле двух кружков имеются симметричные наклонные черточки. Эти кружки находятся на узкой грани камня, а третий, расположенный выше них, – на самом краю широкой плоскости плиты. Лик нарисован красной краской, но ее сохранность неодинакова: на узкой грани хорошая (за исключением небольших участков, осыпавшихся вместе с поверхностью коркой камня), а на широкой краска едва заметна. Видимо, в этом месте она подвергалась более активному воздействию природной среды до того, как плита попала в курган. Чтобы лик воспринимался правильно, плита должна находиться в горизонтальном положении изображением стопы вверх. Обе грани, где имеются изображения, в отличие от остальных, выветрены. Это позволяет предположить, что первоначально данная плита являлась верхней частью скального выхода на одной из гор в долине р. Уйбат в окрестностях могильника. Различие в сохранности краски на разных гранях свидетельствует о создании рисунка, когда плита еще не была отделена от скалы. Именно в этом случае краска на верхней плоскости подвергалась более интенсивному разрушительному воздействию атмосферных осадков. Кроме того, именно в этом случае узкая грань плиты была удобна для нанесения и ритуального использования лика.

Такие признаки лика, как развилики на концах горизонтальной линии, линии в виде змейного языка на месте рта, отсутствие контура, исполнение краской, позволяют соотнести его с джойским стилем. Вместе с тем это не каноничное изображение в данном стиле. Рисунок скорее отражает процесс его формирования. Лик имеет характерные признаки изображений раннеокуневского времени: наклонные черточки возле глаз, как на рисунках из курганов Тас-Хазаа [Есин, 2009, рис. 3, 7] и Большое кольцо [Киргинеков, 2010, рис. 5],

сочетающих погребения окуневцев и афанасьевцев, Уйбат III [Лазаретов, 1997, табл. XI, 3]; только одну горизонтальную линию. В то же время у него уже не два, а три круглых глаза, как у классических окуневских изображений. Кроме того, между глазами нарисованы две вертикальные дуги, что тоже более типично не для ранних, а для классических окуневских рисунков. Это первый случай, когда плита с изображением в джойском стиле найдена в кургане окуневской культуры. Важно, что по погребальному обряду и инвентарю он относится к раннеокуневским. Таким образом, это еще один аргумент в пользу формирования джойского стиля на раннем этапе окуневской культуры.

Для культурно-хронологической атрибуции плиты следует также учесть имеющееся здесь же изображение отпечатка стопы. Для наскального искусства Минусинской котловины это очень редкий объект. Изображение в форме стопы, но без выделения пальцев (подобно следу ноги в обуви), выбито по контуру в правой нижней части памятника наскального искусства окуневской культуры возле ст. Бельтыры [Миклашевич, 2006, рис. 9]. Силуэтные изображения отпечатков двух стоп в обуви есть на писанице Бояры I [Есин, 2010, рис. 1]. Они выбиты поверх рисунков, сочетающих признаки минусинского и ангарского стилей, и перекрыты фигурой комолого вола в разливском стиле окуневской культуры, что позволяет синхронизировать их с ранним этапом данной культуры.

За пределами Минусинской котловины парные углубления в виде отпечатков стоп в обуви известны на памятнике наскального искусства каракольской культуры Зеленое Озеро (юго-запад Республики Алтай) [Маточкин, 2009, с. 149]. Правда, исследователю святилища не удалось определить, имеют они искусственное или природное происхождение. Эти углубления расположены на верхней части выходов светло-серого песчаника, что напоминает находку из Уйбат-Чаркова. Серия рисунков в виде отпечатка стопы в обуви и без открыта среди петроглифов Казахстана (Тамгали, Теректы Аулие, южные склоны хребта Карагатай [Рогожинский, 2001, рис. 8, 4, 5; Самашев, 2006, с. 178–179]), Западной Монголии [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, прил. I, рис. 331]. Изображения стоп известны на печатях и амулетах Бактрийско-Маргийского археологического комплекса [Sarianidi, 1998, fig. 872–879, 1215.1, 1215.2, 1417.2]. Парные изображения стоп в обуви выбиты на некоторых стелах ямной культуры Восточной Европы [Супруненко, 1990, рис. 7, 3; Шилов, 1995, рис. 33, 34]. На стелах катакомбной культуры стопы не показаны, зато нарисованы красной краской на дне ряда погребений возле ног умерших, причем всегда носками в сторону выхода [Санжаров, 1989, с. 99; 2009, с. 40]. Их связывают с кругом представлений о посмертном путешествии души под покровительством божества. Возможно, с аналогичной целью была установлена на

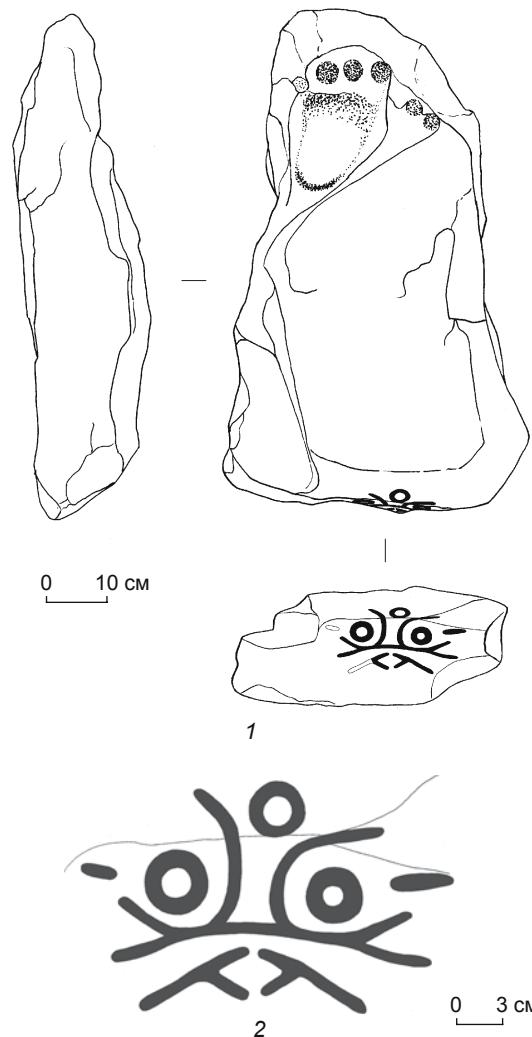

Рис. 7. Плита из мог. 6 кург. 1 могильника Уйбат-Чарков. 1 – общий вид; 2 – реконструкция и развертка на плоскости антропоморфного лица.

выходе из погребальной камеры в окуневском кургане плита с изображением стопы носком вверх.

Для определения хронологического соотношения джойского стиля и окуневского искусства степной части Минусинской котловины важное значение имеют также палимпсесты на двух стелах из долины р. Абакана. В одном случае лицо джойского стиля перекрыло изображение «солнцеголового» божества раннеокуневского облика [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 292], в другом – лицо, обладающее признаками классических и поздних окуневских рисунков [Там же, № 202]. Типологически близкие первоначальному рисунку окуневские изображения найдены на стелах из классического могильника Черновая VIII и более позднего Черновая XI [Там же, № 119, 293]. В Черновой XI этот лик сочетается с изображениями животных в разливском стиле, наиболее характерными для поздних окуневских памятников [Савинов, 2005, с. 32]. Аналогичное соче-

тание зафиксировано на фрагменте стелы из окрестностей с. Аскиз [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 188]. Приведенные примеры свидетельствуют о длительном существовании джойского стиля.

Культурно-историческое содержание джойского стиля

Существует несколько возможных объяснений исторического содержания джойского стиля: 1) это искусство «какой-то однородной культурной общности, близкой к степным окуневским племенам, но в то же время имевшей некоторые самобытные черты» [Леонтьев, 1969, с. 247]; 2) серия таких изображений отражает поздний хронологический этап в развитии искусства окуневской культуры [Леонтьев, 1976, с. 136; 1978, с. 97; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 21; Савинов, 2006, с. 167, 168]; 3) особенности ликов джойского стиля связаны с передачей облика особого персонажа окуневского искусства (Л.Р. Кызласов называл его «водяным духом» [1986, с. 236], а И.П. Лазаретов – покровителем путешественников [2011, с. 63]); 4) стилистические особенности обусловлены особой pragmatикой рисунков, которые являлись изображением раскраски лиц участников ритуалов [Дэвлет, 1997, с. 245].

Результаты нового изучения Малоарбатской писаницы и находка из окуневского кургана у пос. Чаркова не позволяют более объяснять особенности джойского стиля хронологическими причинами. Нет сомнений, что этот стиль существовал параллельно с классическим окуневским, а частично и с раннеокуневским. Не получает подтверждения и гипотеза об особом типе персонажа, т.к. классификация рисунков Малоарбатской писаницы демонстрирует наличие в рамках стиля целого ряда разных персонажей. Многие из них сопоставимы с образами степной части Минусинской котловины, хотя и не идентичны им. С учетом того, что, помимо скал, лики в джойском стиле представлены и на нескольких стелах, причем не только в качестве вторичного, но и как первоначальное и основное изображение [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 129, 215, 284], гипотеза об особой pragmatике таких рисунков маловероятна. Подобно другим ликам эпохи ранней бронзы региона, они изображали различных божеств и могли создаваться по случаю важных календарных праздников, а также при проведении обрядов, призванных обеспечить покровительство и защиту со стороны сверхъестественных сил на определенной территории (участке местности, горном перевале, реке). Отсутствие у ликов джойского стиля контура может являться отражением представлений о бестелесности божеств, их существовании в форме духов.

Для дальнейшего анализа проблемы ключевое значение имеет то, что, в отличие от других стилистиче-

ских групп окуневских изображений, распространенных в Минусинской котловине повсеместно, все известные рисунки джойского стиля найдены только в ее южной части и прилегающих горах. С позиций гипотез об особом типе персонажа или особой pragmatике рисунков данный факт объяснить трудно. Если бы это был особый персонаж, которого почитали носители окуневской культуры, или воспроизводилась раскраска лица, являвшаяся одним из традиционных элементов обрядов, то почему изображения в джойском стиле не найдены на окуневских памятниках в северных районах котловины? Обращает на себя внимание расположение основных памятников с изображениями джойского стиля в особой природно-хозяйственной зоне: вдоль древних троп и речных путей в горно-таежной местности Западного Саяна (на реках Малые Арбаты, Джой, Кундусук); в предгорьях вблизи границы леса со степью (стелы в Таштыпском, Байском, Аскизском и Усть-Абаканском районах Хакасии); в степной части, но на береговых скалах крупных рек, связывающих горно-таежные районы со степными (Усть-Туба, Коровий лог).

В данном контексте, несмотря на тесную связь джойского стиля с окуневским искусством, появляются сомнения в возможности полного отождествления этого явления с окуневской культурой. Скорее, на современном этапе исследований его можно рассматривать как адаптацию изобразительной традиции и верований скотоводов степной части Минусинской котловины к традициям и верованиям неокуневского населения лесных окраин на юге региона. Джойский стиль связан с проживавшей здесь какой-то особой группой, видимо практиковавшей преимущественно присваивающие формы хозяйства, но имевшей тесные контакты (брачные связи, обменные отношения, участие в обрядах) со скотоводами прилегающих степных районов, о чем свидетельствует не только сходство структуры, изобразительных элементов ликов джойского стиля и изображений на окуневских стелах, но и наличие рисунков джойского стиля на некоторых стелах в районах совместного или чересполосного проживания. По сути, предлагаемое объяснение означает возвращение на новом уровне к той гипотезе, которая была сформулирована Н.В. Леонтьевым после первого серьезного изучения таких изображений, но впоследствии почти забыта.

Если рассматривать джойский стиль в более широком контексте искусства Центральной и Северной Азии, то за пределами Минусинской котловины его аналогов нет. Вместе с тем как явление его можно сравнить с изображениями ликов каменского типа на р. Ангаре и серией антропоморфных личин на скалах Внутренней Монголии [Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006, табл. 6].

Верхний хронологический рубеж джойского стиля пока не ясен. Эта традиция могла существовать и

тогда, когда северную часть Минусинской котловины заняло новое население, оставившее памятники андроновской археологической культуры. Вместе с тем окончательная смена культурных парадигм в степях Минусинской котловины, произошедшая в карасукскую эпоху, вероятно, не могла не оказаться влияние и на обитателей лесных окраин, имевших постоянные контакты с населением степных районов.

Список литературы

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г., по поручению Имп. Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела, членом-сотрудником А. Адриановым. – Омск, 1888. – 160 с. – (Зап. Зап.-Сиб. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва; кн. 8, вып. 2).

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 240–250.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 325–329.

Есин Ю.Н. Изваяние из с. Верхний Аскиз и проблема хронологии окуневского искусства // Вестн. Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвязьздат, 2000. – Вып. 3. – С. 18–21.

Есин Ю.Н. Стела с изображением «солнцеголового» божества на реке Туйм в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 85–94.

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.

Киргинеков Э.Н. Итоги исследования кургана Большое кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 79–91.

Корнилов И.П. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин землеведения и путешествий. – 1854. – Т. 3. – С. 605–658.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаа-Салаа и Бага-Ойгуря (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кызласов Л.Р. Каменные «старушки» Хакасии // АО 1971 года. – М.: Наука, 1972. – С. 295–296.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 296 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19–64.

Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе: К 290-летию научного открытия Томской писаницы: мат-лы Междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвязьздат, 2011. – Т. 2. – С. 59–64.

Леонтьев Н.В. Кундусукские росписи // СА. – 1969. – № 4. – С. 245–248.

Леонтьев Н.В. Писаницы правобережья р. Абакана // АО 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 212–213.

Леонтьев Н.В. Наскальные рисунки Коровьего лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1976. – № 11: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 128–136.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 88–118.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Маточкин Е.М. Сакральные образы и объекты святилища «Зеленое озеро» // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 146–153.

Миклашевич Е.А. Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 191–211.

Петроглифы древней Сибири: альбом. – М.: Галарт, 2010. – 192 с.

Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. – Вып. 2. – С. 7–44.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 28–34.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 156–190.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.

Санжаров С.Н. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины // СА. – 1989. – № 2. – С. 97–107.

Санжаров С.Н. Лисичанская антропоморфная стела // Матеріали та дослідження з археології Східної України: збірник наукових праць. – Луганськ: Східноукр. нац. ун-т ім. В. Даля, 2009. – Вип. 9. – С. 32–43.

Супруненко А.Б. О Федоровском идоле и кургане // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій обласний науково-практичний семінар: тези доповідей. – Полтава, 1990. – С. 80–86.

Шилов Ю.А. Праородина ариев: История, обряды и мифы. – Киев: СИНТО, 1995. – 744 с.

Sarianidi V. Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. – M.: Pentagraphic, 1998. – 336 p.